

Место это особое и находится в глубине лесной чащи. Тот, кто сложил здесь свою голову в далёком июне 1942 года, тоже были причислены ведомством НКВД СССР к категории ОСОБЫЕ. Их подразделение - сводный отряд Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (сокр. ОМСБОН) под командованием майора Коровина П.А. назывался «Особые». Отряд состоял из семи специально подготовленных подразделений. Весь личный состав погибших отрядов через десять месяцев приказом по ОМСБОН № 140 от 18 апреля 1943 года официально был исключён из списков бригады как пропавший без вести при выполнении боевого задания в тылу противника.

О боях не так много известно, поскольку задачи, выполняемые отрядом, были, безусловно, очень специфические - серьёзные диверсии в глубоком фашистском тылу в отрыве от регулярных частей Красной Армии.

О воинах подобных подразделений впервые широкой общественности официально стало известно после героического боя 23 февраля 1942 года в деревне Хлуднево, когда командование 10-й и 16-й армий использовало отряды ОМСБОН для войсковой разведки и рейдов в тыл противника. В честь этого героического боя в деревне Хлуднево установлен огромный памятник воинам – чекистам.

Место гибели отряда Коровина П.А. было найдено в 1999-2002 гг. случайно, как это обычно бывает в поисковой практике. Обнаружили его неожиданно поисковики отряда Владимира Ермалюка из города Обнинск Калужской области.

Тогда никто не мог даже предположить, что вместе с находками в этих местах фактически открывается очередное белое пятно в истории войны на Калужской земле. Это стало понятным совсем недавно, когда наш друг и поисковик Андрей Виноградов прочитал посмертную записку и нашёл архив одного воина-омсбонца Корзенкова В.Я

Останки воинов и все поднятые находки заметно отличались от всего, что поисковики находили ранее на месте раскопок. Специфические остатки форменного обмундирования, отсутствие противогазов, касок, одинаковым способом подбитые сапоги, всё это с достаточной степенью вероятности позволяло судить о том, что поднятые останки принадлежат воинам совсем не армейского строевого подразделения.

По началу, в 2001 году, в густом ельнике были подняты останки лишь 15-ти бойцов ОМСБОНа. Посмертных медальонов, к сожалению, оказалось всего четыре. Одними из первых были установлены **Наговицын Аркадий Антонович 1923 г.р.**, и **Холостов Михаил Александрович 1917г.р.** Сведения об этих солдатах поисковики проверяли по разным учетам и базам данных сразу нескольких архивов, но нашлись они совсем в другом месте – в фондах Центрального музея Внутренних войск России. Здесь же находился и личный архив того, кому посчастливилось остаться в живых в том бою и пройдя через страшный немецкий плен дожить до наших дней.

Это был боец одного из исчезнувших отрядов разведчиков и диверсантов - Василий Яковлевич Корзенков, который вместе с таким же поисковиком-энтузиастом военной истории из города Мытищи Картошкиным Л.Д. многие годы искал место последнего боя, посвятив этому поиску всю свою жизнь. При встрече Василий Яковлевич не раз говорил: «А как иначе? Ведь нужно восстановить правду о судьбе моих однополчан. Нужно обязательно, во что бы то ни стало, рассказать и написать об этом, тем самым увековечив их имена! Хотя они заслуживают и большего...»

По предположению фронтовика Корзенкова В.Я. раньше считалось, что место последнего боя находится где-то в районе бывших деревень Савинки и Спорное Юхновского района Калужской области. Его долгие годы именно там и искали. Но оказалось совсем не так. Отряд капитана Коровина П.А. пересекли Варшавское шоссе и свой последний бой бойцы приняли, не дойдя каких-то несколько сотен метров до линии фронта. Вот так бывает на войне.

В двух найденных на месте боя медальонах записки были почти нечитаемыми. Но всё же удалось установить имя родственника одного из них – Веккер Берта Соломоновна. Получив в последствии весь список отряда, напротив фамилии Веккер Б.С. мы прочитали и имя погибшего. Им оказался **Сойфер Давид Соломонович 1912 года рождения**. Но самое интересное в истории с Сойфером Д.С. то, что его жена Веккер Берта Соломоновна жива и по сей день. Учитывая её преклонный возраст, мы аккуратно сообщили ей о найденных останках её мужа. Ответ Берты Соломоновны был таков: «Теперь не помру, пока не побываю на том самом месте, где нашли моего мужа!» И эта мужественная женщина теперь собирается с нами в экспедицию, для того, чтобы взять горсть земли с могилы своего супруга.

Нам несомненно повезло. Был найден Масляков Виталий Алексеевич 1919 г.р - живой участника того последнего боя. О многом рассказал нам этот человек из легенды... Рассказал и передал полный список личного состава этого спецотряда, а также другие документы, позволяющие с достаточной степенью достоверности предположить весь путь движения отряда вплоть до места его последнего боя.

Так получилось, что в 1985 году по инициативе Корзенкова В.Я. в пос. Климов Завод Юхновского района установлено несколько мемориальных досок, на которых увековечены имена погибших омсбоновцев из сводного отряда П.А. Коровина. Среди них имена Сойфера, Наговицына, Холостова, Фабрикова и других. Видимо это правильно, ведь тогда ещё никто не мог предположить, что их останки спустя более чем 20 лет найдутся совсем не у деревень Спорное и Савинки, а почти в 12 километрах от этих бывших населённых пунктов и в 2002 году будут перезахоронены нами в торжественной обстановке в братскую могилу деревни Барсуки Мосальского района, как бойцы не установленного к тому времени воинского соединения.

Из официального документа:

В состав сводной группы под командованием Коровина П.А. входили четыре отряда:

- 1. Отряд капитана Артамонова Н.С. (комиссар Строганов М.И.)*
- 2. Отряд старшего лейтенанта Балашова Н.А. (комиссар Межиков Л.И.)*
- 3. Отряд старшего лейтенанта Матросова С.Л. (комиссар Попов П.Я.)*
- 4. Отряд лейтенанта Шевченко Г.Ф. (комиссар Катулин А.З.)*

Все воины были серьёзными спортсменами, преподавателями и студентами Московского института физической культуры...

Линию фронта отряды переходили в ночь на 31 марта 1942 г. на позициях 16-й армии генерала Рокоссовского (участок Козельск — Киров) с помощью армейских разведчиков. 12 апреля 1942 г. группа майора П. Коровина вышла в район Дорогобужа, где размещался штаб партизанской дивизии В. С. Воронченко. С начала апреля до июля 1942 г. действовали их разведчики и подрывники, ведя наблюдения за военными перевозками, спуская под откос эшелоны, минировав шоссе, взрывая мосты. Особенно эффективными были одновременные выходы всех отрядов группы П. А. Коровина на магистраль Смоленск — Вязьма. Дважды они выводили ее из строя одновременно и на большом протяжении. За период с 18 апреля по 13 мая 1942 г. подрывники отрядов установили 70 мин. Были уничтожены 11 эшелонов врага, железнодорожный и шоссейный мосты, подорвано 46 автомашин, четыре тягача, три мотоцикла. Движение на железных дорогах было прервано в общей сложности на 50 суток. Враг потерял около 2600 солдат и офицеров. Была оказана помощь 12 партизанским отрядам. Через линию фронта провели около 400 окруженцев и партизан. После выполнения задания 8 июня отряды соединились у д. Кучерово для совместного выхода в советский тыл и в 20-х числах июня 1942 г. вышли к д. Савинки. Но 25 июня радиосвязь с группой отрядов Коровина вновь была потеряна. Отряду Н. С. Артамонова удалось вернуться самостоятельно, перейдя линию фронта на соседнем участке фронта. Значительно сложнее оказалась обстановка под Юхновом, где попытались перейти линию фронта остальные три отряда. Долгое время командованию ОМСБОНа ничего не было известно о месте гибели отрядов Балашова, Матросова и Шевченко. Судьба этих трёх отрядов сложилась трагически. Они совершили труднейший поход по тылам противника.

При подходе к линии фронта майор Коровин направил к передовой несколько групп разведчиков с целью, где лучше и безопаснее перейти линию фронта. Однако место перехода линии фронта было выбрано неудачно. Разведке так и не удалось обнаружить проход в линиях глубокой обороны немцев. Группа разведчиков под командованием Бурондасова, понеся потери, сумела прорваться через линию фронта, но попала на допрос в Особый отдел НКВД 49-й армии, где застряла надолго. О переходе отрядами Коровина П.А. линии фронта командование Западного фронта информировано не было.

Личный состав отрядов был обессилен. Продуктов питания не имел. В такой обстановке 29 июня 1942 года Коровин принимает решение пробиваться через линию фронта к частям Красной армии самостоятельно. С этого момента начинается самый неизвестный и малоизученный этап в боевой судьбе коровинцев. Около 03-00 часов ночи отряд оказался фактически внутри оборонительных сооружений немцев. К этому моменту стало ясно, что разведчики заблудились и до намеченной цели не дошли. Тогда Коровин принял решение переждать день в густых кустах. Но в 09-00 часов отряд был обнаружен одним немцем, успевшим произвести выстрел, с которого и завязался тот последний бой. Выйдя из кустов в чистый лес, коровинцы заняли круговую оборону. Но обстановка была очень сложной и невыгодной в тактическом отношении, так как немцы находились в окопах и блиндажах. В самом начале сражения был ранен в ногу майор

Коровин и погибли многие его бойцы. Командование принял лейтенант Г. Шевченко. Он лично возглавил штурмовую группу и повел ее в атаку. Трижды поднимал он в атаку бойцов. У Шевченко был в бою выбит глаз, оторвало левую кисть, но отважный воин продолжал сражаться. В последний момент боя бойцы поднялись в атаку в полный рост, штурмуя пулеметные гнезда врага, который вёл перекрёстный огонь. Но силы были слишком неравными...

XXX

(Из записной книжки поисковика)

Тот бой был страшен. Теперь известно, что он длился почти 6 часов. Шесть часов боя – это серьёзно. Для кого-то это последние 6 часов жизни. Погибать в молодом возрасте ужасно. Вдвойне горько, когда это происходит в нескольких сот метрах от наших передовых позиций (в то время рядом находились позиции 42-й стрелковой дивизии) и никто не может помочь... Какими были эти последние метры жизни для каждого из солдат? Об этом мы уже никогда, наверное, не узнаем. Передать его весьма не просто по разным причинам. Кто-то из поисковиков вслух по-детски мечтает по этому поводу: « Эх, если бы тогда 30 июня 1942 года, в часы боя Господь Бог взял, да записал бы всё происходящее на видеоплёнку!... Как бы сейчас нам было легче...?! «Он то записал, да только не достать нам эту плёнку.» - отвечает наш коллега Сергей Никишин.

XXX

Мы приезжаем сюда уже десятый раз, почти каждые выходные дни с конца апреля. Включив GPS-навигатор и взглянув на его экран, видишь серую паутину бесчисленных трек-линий, указывающих маршрут твоего движения. Весь лес на экране – это сплошная паутина этих самых трек-линий и , кажется нет здесь такого клочка земной поверхности , на который не ступала бы нога поисковика.

На первый взгляд участок леса не так уж велик, но с каким трудом нам даются находки останков погибших здесь солдатиков!

Исследуя метр за метром лес, мы пытаемся понять, каким был этот бой. ...Вот бежит неизвестный пулемётчик. По следу стреляных гильз, словно по высокому канату идут сегодня с поисковыми приборами Андрей Виноградов и Лев Марченков. Идут, осторожно ступая, стараясь не потерять ту последнюю ниточку, которую оставил после себя пулемётчик. Эта нить теперь связала их накрепко. Но она вдруг обрывается на очередной горстке не выстрелянных патронов, одиноко лежащих у трёх высоких сосен. Скорее всего, здесь пулемёт у солдата замолчал навсегда. И снова в эти минуты припоминаются слова Краснова А.Н. Деревья видели всё, но они не расскажут!». Дальше земля упрямо молчит. Отзываясь лишь изредка надоевшими отзвуками в металлоискателе, по которым определяем осколки мин и снарядов.

След другой гильзовой дорожки приводит Андрея Виноградова к месту, где на глубине чуть более одного штыка лопаты наконец-то обнаруживаются

останки двух бойцов из отряда Коровина П.А.. В эти минуты начинается самое долгожданное для поисковика – раскоп обнаруженного места, когда из земли извлекаются не захороненные останки героев. О том, что кроме гильз на месте раскопа есть несомненно что-то интересное, Андрей понимает сразу. Опытное ухо поисковика, привыкшее к гамме самых разнообразных звуков металл детектора, безошибочно определяет тот или иной предмет, подсказывая, что в земле лежит нечто похожее на монету. И после извлечения нескольких костных останков скелета нашему взору предстают вначале небольшие механические часы и...монета, достоинством 1 злотый. Мысль сработала мгновенно: «Неужели поляк? Ведь в отряде были два поляка. Причём точно известно, что один из них по фамилии Лонский, пропал ещё в начале рейда» Остаётся другой. Открываем список отряда и читаем: «уроженец г. Лодзь, Польша **Минин Евгений Викторович 1920 г.р.**»_Но это только предположение. Рассуждаем так: кому из солдат нужна эта монетка? А поляк мог взять её просто на память о Родине, как талисман. Знаем одно - нужно копать дальше. Копаем, аккуратно разгребая слежавшуюся от времени почву в надежде обнаружить капсулу посмертного медальона. И он появился, ...как всегда неожиданно, вывалившись из толстого куска суглинисто-песчаной затхлой земли, известив о себе ребристой формой и тусклым отблеском чёрного цвета. Впоследствии окажется, что записка внутри капсулы безнадежна для исследования на предмет данных бойца, а про себя мы всё же решили, что один из найденных Андреем бойцов является Минин Евгений Викторович

Пока одни занимались подъёмом останков, Лев, с присущей ему целеустремлённостью, уверенно продвигался вперёд, продолжая исследование местности методом гильзовой дорожки следов. Его рука, монотонно перемещала поисковый прибор то влево, то вправо. Рамка его металлоискателя плавно скользила по свежее выросшей траве, то и дело натываясь на различные предметы военного периода: гильза одна, вторая, немецкая, наша, осколок, ещё осколок, снова осколок... Этим осколкам казалось не будет конца и края. Исключив в приборе реагирование на никчемный металл, Марченков не подозревал, что через несколько метров ему предстоит найти то, к чему он продвигался на протяжении двух поисковых месяцев, буквально исколесив этот лес вдоль и поперёк. И это будет единственный боец ОМСБОНа, останки которого обнаружил Лев в густом лесу под дер. Таракановкой. Но этот первый. А пока, несколько забегаю вперёд, скажу, что к великому счастью мы сможем прочитать имя этого солдата-героя, которое столько лет бережно хранила земля, ожидая, когда Лёва услышит своеобразный отзвук своего металлоискателя, сработавшего на алюминиевую фляжку, которая находилась здесь же вместе с останками. И это будет фляжка омсбонца **Фабрикова Василия Филипповича 1912 г.р.** Он упал, сражённый немецкой пулей, которая тоже будет найдена здесь же на месте раскопа. Эта пуля, тем пасмурным июньским днём 30 июня 1942 года прилетит и намертво вонзится в молодое тело солдата откуда-то со стороны блиндажа, расположенного в двух

десятках метров с той стороны, откуда враг вёл прицельный огонь. А гильзы от пистолета ТТ, обнаруженные чуть впереди от места гибели омсбоновца, дают нам право высказать ещё одно предположение по факту смертельного боя. Представляется, что та роковая пуля не сразу забрала жизнь В.Ф., что он ещё некоторое время боролся и, люто ненавидя фашистов, выстрел за выстрелом посылал очередную смерть в сторону врага. Его стрельба продолжалась не долго. То ли полученное ранение изначально оказалось сразу не смертельным, то ли причиной всему стал осечный патрон, найденный здесь же, рядом с останками. Об этом мы никогда не узнаем. Но одно можно сказать точно – Фабриков был ранен в обе ноги и голову. О его ранениях свидетельствовали индивидуальные перевязочные пакеты, найденные у останков левой и правой ноги и в области бедра. На черепе имелись следы осколочного ранения. Погиб солдат. И погибли в этот день многие его однополчане.

Вместе с фляжкой тогда из земли была извлечена одна его именная вещь – карманные часы. Эту настоящую поисковую реликвию Лев Марченков надеется вернуть родственникам погибшего, которых ещё предстоит разыскать. Ведь не зря же с таким трудом было установлено его имя?! Посмертный медальон был передан в руки нашему другу-поисковику Андрею Виноградову, который по приезду к себе в Москву всю ночь трудился, извлекая содержимое из капсулы, а потом кропотливо складывал повреждённые и истерзанные временем части посмертной записки до тех пор, пока не сложилось имя.

XXX

Очередной поисковый день порадовал новыми находками. В двухстах метрах от Фабрикова, на краю старой лесной вырубki, в нескольких шагах от большого немецкого блиндажа мне повезло найти ещё двух бойцов из отряда Коровина. Этот раскоп усложнялся сильно увлажнённой суглинистой почвой, которая буквально засасывала мои сапоги, словно пыталась затянуть в себя и проглотить, как она проглотила наших солдат. Они лежали рядом, словно обнявшись, как два старых друга. Здесь я нашёл знакомые котелки, практически ничем не отличающиеся от немецких, но с нашим фирменным клеймом завода «Красный Горняк», пробитую пулей русскую фляжку, наши патроны, клочья полусгнившего военного обмундирования и две пары военных сапог 42-го размера. Несколько позднее, изучая эту обувь, понял, что один из солдатиков немного косолапил или волочил правую ногу, а сапог другого был в ремонте, может быть даже в том самом партизанском отряде, в который они пришли почти в полном составе в начале апреля 1942 года после перехода линии фронта. Исследуя останки, видишь, как молоды были эти парни и, как больно им было умирать. Работа с останками длилась чуть более 4-х часов. Всё это время я пребывал в состоянии ожидания, когда же из земли появится долгожданный ребристый пенальчик - посмертный медальон солдат. Но, увы, - этого не произошло. И напрасны были мои старания в отыскании на найденных котелках и фляжках хотя бы каких-нибудь букв,

означающих сокращения их имён и фамилий. Нигде не было никакого намёка на их данные. Кто они, эти двое, так и оставшиеся для нас навсегда безымянными? В такие минуты вспоминаешь педантичных немцев, позаботившихся конкретно, чтобы имена их солдат из-за несовершенных посмертных медальонов не попадали в разряд неизвестных. Немцы просто наносили сведения о каждом солдате Вермахта не на какой-то бумажный листочек, а на кусок металла, который даже если и заржавеет, то всё равно при соответствующей обработке ты увидишь и сможешь прочитать номер, за которым прячется имя фашиста. Вот она - пусть малая, но настоящая забота Родины о своих солдатах. Наше Отечество пришло к таким медальонам только после войны.

XXX

В очередной раз отличился Лев, и тишина елового леса была нарушена его звучным: «Нашёл !!!» Подбегаем и видим знакомые предметы из личного обихода омсбоновцев: сапоги с характерным рисунком подошвы, фляжка, котелок, перьевая писчая авторучка, сгнившие элементы форменного обмундирования с пуговицами и заклёпками разного содержания. У этого солдата была ещё ложка из нержавеющей стали. Останки поднимали сообща. Только один я «сачковал» и, отставив в сторону металлоискатель с изрядно подсевшей аккумуляторной батареей, ползал рядом с фотоаппаратом в руках, стараясь запечатлеть в эти минуты лица моих друзей. Их лица были то необычайно серьёзны, то по-детски расплываясь в улыбке, со всей своей искренностью радовались каждой новой находке.

В этот день всё было красиво и по- своему загадочно. Всё, начиная с тихого раннего утреннего часа, когда над Рессой стелется густой туман и тишина у берега прерывается всплесками рыбы...

Здесь, у этого раскопа, тоже всё было своеобразно и неповторимо. Опять немного отступая от темы и совсем не претендуя на оригинальность скажу, что каждый найденный солдат для поисковика – это глубокие личные переживания. Нашёл солдата и тут же появляется индивидуальное название, связанное с местностью или особыми моментами поиска. Здесь задействована ассоциативная память и легче бывает ориентироваться и запоминать подробности поиска. На этот раз место раскопа назвали «У плачущей сосны». И не важно, была ли это сосна, а может какое-то иное дерево – не это главное. Главное, что всем запомнились звуки, издаваемые деревом в тот момент, когда рядом с её стройным и высоким стволом из земли извлекались останки неизвестного солдата.

Эти звуки напоминали плач и горечь утраты и сопровождали нас весь период, пока мы поднимали солдата. Дерево плакало. Оно не желало мириться с тем, что делали мы. Оно не хотело, чтобы солдат, пролежавший рядом более полувека, омываемый соком его корней и ставший таким близким и родным за долгие послевоенные годы, теперь покидал его, обрекая покой в братской могиле рядом с теми, с кем сгинул он в том последнем бою.

XXX

Следующим был «Бегунок». Так про себя мы назвали солдатика, вместе с останками поисковик Марченков и мой сын Максим обнаружили два нагрудных знака: «ГТО 2-й ступени» № 50405, значок участника парада спортсменов на Красной Площади, а также тёмное кожаное портмоне, в котором находились какие-то записи, документы или личные письма, которые надеемся в скором времени прочитать. На одном из значков изображён бегущий спортсмен. Отсюда и название – «Бегунок».

«Кто ты, «Бегунок?» - размышляли мы вслух, извлекая из земли его останки.

«Мы нашли тебя, но это страшная находка...»

«Кто установил ту мину, которая фактически лишила тебя твоего тела, оставив только верхние и нижние конечности?!»... Другие костные останки при раскопе обнаружены не были. По нашим соображениям смерть «Бегунка» наступила мгновенно от прямого попадания миномётной мины предположительно в грудную клетку. А значит противник применял не только стрелковое оружие, но и вёл миномётный обстрел. В раскопе у «Бегунка» мы обнаруживаем несколько немецких подсумков, туго набитых патронами советского производства, которые наш солдат так и не успел выстрелить во врага.

С останками одного бойца мы находим интересный элемент вооружения - специальный глушитель. А вот самого оружия мы так и не нашли. Скорее всего его собрали фашисты, которые вероятно и прикапывали тела погибших, чтобы те не разлагались на знойном июньском солнце.

Да, в том последнем бою отряду Коровина определённно не хватало автоматического оружия, позволяющего вести плотный огонь, а потому особенно необходимого при прорыве. Но автоматов практически не было, или было совсем немного. Этот довод подтверждают обнаруженные гильзы со следами нехарактерными для автоматического оружия, а также их кучность, количество и степень рассеянности по земле.

XXX

Количество найденных коровинцев (так про себя поисковики называют бойцов этого отряда) на сегодняшний день укладывается в скромную цифру – 25. Много это или мало – не нам судить. Но беспокоит другое. Доподлинно известно, что в том последнем бою их было около 110 человек. Около 20-30 с тяжёлыми ранениями попало в плен (точная цифра пока неизвестна). Простая арифметика показывает - остаются не найденными около 50-55 бойцов ОМСБОН.

Были и другие находки - два котелка с пузырьком йода и ложкой, на которой фамилия – «Репнин», а в двух десятках шагов останки трёх воинов с элементами одежды и обуви, характерными для омсбоновцев. Здесь же – пустой посмертный медальон (для справки: в одном из отрядов был Репнин Геннадий Михайлович 1909 г р) Вот и думай, поисковик...!

Уже в конце июня мы поняли, что пора подводить конечный итог наших поисковых экспедиций. Но всё время терзала мысль о количественном несовпадении тех, кто был в последнем бою, с теми, кто попал в плен и кого мы нашли. Получалось, что добрая половина отряда нами не найдена. Мы буквально проползав по несколько раз весь лес, кланяясь каждой травинке, мы так и не нашли останки других бойцов. Земля никак не желала делиться с нами своими секретами. Лес тоже молчал. Металлоискатели «пели» разными звуками, но только звуки эти были совсем не те. Наклоняясь с лопатой за очередной находкой, мы извлекали из земли всё что угодно, но только не было самого главного - солдатских останков.

В процессе анализа наших походов появились новые версии самого боя и его окончательного итога. По началу, мы размышляли, пытаюсь понять и установить, в каком месте начался бой. От этого зависело направление нашего поиска. Слушая землю, мы предполагали, что коровинцы погибли где-то неподалёку от того места, где были обнаружены первые останки. Мы предполагали, что коровинцы не продвинулись дальше первых немецких укреплений, а потому их надо искать где-то поблизости. Но этот поиск не дал новых результатов, и мы решили его расширить, в надежде обнаружить новые нужные нам следы.

Именно тогда мы вспомнили о других – первых экспедициях в эти места, где тогда совсем неподалёку, были найдены останки не опознанных бойцов. Кинувшись искать старые раскопы, мы сравнивали образцы ранее извлечённой из земли солдатской обуви, рассматривали когда-то выбранные в этих раскопах гильзы, патроны, другие предметы солдатского быта в надежде найти их сходство или различие с найденным у омсбоновцев.

Тысячу раз сомневаясь и начиная рассуждать заново, мы всё же пришли к определённому заключению на предмет того, как двигался бой. Наш анализ сводится к следующему:

Местом начала боя является участок леса, где были найдены останки бойцов Сойфера Д.С., Наговицына А.А., Холостова М.А. и других воинов, имена которых остаются пока не установленными. Это место, где обнаружено наибольшее количество останков, а по имеющимся у нас сведениям в начальный период боя сразу погибли многие бойца отряда. Вместе с ними обнаружено много патронов, которые они видимо ещё не успели расстрелять. Неподалёку от них, уже в этом году, были найдены останки ещё десяти воинов.

В процессе боя омсбоновцы постоянно перемещались в надежде найти хоть какую-то брешь в глубоко эшелонированной обороне противника и вырваться к своим. Этот довод находит своё подтверждение в том, что на обширной прилегающей территории мы нашли разнообразные следы от стрелкового оружия именно воинов ОМСБОНа. Следы этих перемещений весьма редко приводили нас к останкам бойцов. Возможно, это были те, кто попал в плен, или те, кого ещё предстоит найти...

Не исключено, что воины ОМСБОНа всё же сломали мощную оборону немцев и дошли до её первой линии, где и нашли своё последний приют. В подтверждении этого предположения мы сравнили всю солдатскую обувь, обнаруженную в разное время вместе с останками. Все омсбоновцы были обуты в сапоги с характерной подошвой. Такие же сапоги мы обнаружили на первой линии немецкой обороны в наших старых раскопах. Если к этому прибавить другие боевые находки, то выходит, что с боем коровинцы продвинулись вперёд внутри немецкой обороны фактически дойдя до первой её линии около 700 метров. Каждый метр этого пути полит кровью наших солдат.

Тогда, в 1999-2000 гг. мы не знали к какому подразделению относятся найденные нами бойцы. Места эти уже кто-то основательно перекопал. Кто были эти «поисковики-первопроходцы», так и осталось для нас неизвестным. Тогда, у первой линии обороны немцев были подняты останки 157 воинов. Учитывая, что события в этих местах перекликаются с другими боевыми действиями 42-й стрелковой дивизии, невольно напрашивается мысль о том, что среди тех, кого мы подняли в 1999-2000 гг. могли быть воины как бойцы из отряда майора Коровина, так и воины 42-й стрелковой дивизии, так как в нескольких местах вместе с останками были найдены противогазы и каски. Так сколько же коровинцев было найдено тогда в 1999-2000 гг ?! А сколько их ещё не найдено?!..

На этот вопрос, наверное, уже никто не сможет ответить. Братская могила в деревне Барсуки в канун праздника дня Победы 2000 года соединила всех, кого нашли и подняли из земли в этих местах.

Приезжая сюда в очередной раз мы надеемся, что «Сегодня обязательно найдём!». Мы всегда упрямо идём в лес, в родную стихию, мысленно обращаясь со словами к тем, кого ищем: «Нам очень нужно найти Вас, ребята! Отзовитесь, подайте хоть какой-то знак, а уж мы поймём!».

Но, как в той песне поётся: «А в ответ – тишина... Он вчера не вернулся из боя!» Земля упрямо не хочет отдавать своих героев... Но мы твёрдо уверены, что поиск всегда **обречён на успех!**

Председатель КО ВПОО «Военный историк»

Сапожников В.В.

19 июля 2006 года

Текст с согласия В.В. Сапожникова отредактировал В.А. Селихов (председатель информационной комиссии Московского Комитета ветеранов войны) после поездки на открытие Памятного камня в мае 2016 года.